

НАШ ТЕАТР. ОДИН ИЗ НАШИХ...

Послесловие к гастролям

Пусть нас рассудит зритель. А поскольку на лысьвенских гастрольных спектаклях зрителей было сравнительно немного, то пусть рассудит читатель-театрал: ему непременно есть дело до всего, на что падает свет рампы в нашем театральном городе. Представьте, что при знакомстве с театром нафануше гастролей на вопрос о направлении поиска, о художественной ориентации, о принципах формирования репертуара, привезенного на гастроль, а также плашмучевого на ближайшее будущее, наконец, о новых творческих идеях, которыми театр будет жить в дальнейшем, главный режиссер говорит вам: «Знаете ли, на этот вопрос я ответить затрудняюсь. Я человек новый».

Главный режиссер Лысьвенского театра Владимир Аркадьевич Рябинов действительно новый человек, он возглавил труппу всего лишь полгода назад. Новые главрежи особенно решительны и настойчивы в провозглашении творческих деклараций и программ, а желание сделать что-то принципиально новое. И варут такой облопот...

Но вот знакомство состоялось. Лысьвенский театр показал: перьям более десяти своих работ, подготовленных в разное время и разными режиссерами. Судить о нем, о его общем облике надо по спектаклям. И первое, что хочется сказать, это отсутствие общего творческого облика, единой художественной платформы, бросающейся в глаза. Ни репертуар, представленный на гастролях, ни манера его сценического воплощения не наводят на мысль о каком-либо направлении поиска, идейно-художественном единстве, о попытке выработать программу. Не считать же характерной чертой изобразительной манеры театра непомерное пристрастие к краснолапачному огнетушнику, иногда претенциозному и пафосному. Есть отдельные спектакли, удачные и неудачные, хорошие и посредственные, сделанные режиссерски крепко, динамично, и выхлывающиеся, словно лишние режиссуры. Есть репертуарная амбиза, но нет репертуара, как убеждаешься при ближайшем рассмотрении.

Лысьвенцы привезли к нам в основном спектакли по произведениям, которые не ставились на пермской сцене, — «Муж и жена снимают комнату» М. Ромина, «Тревога» А. Петрашкевича, «По провинциальным анекдотам» А. Византилова, «Урок искренности» А. Горбачова, «Компьютерные танго» Э. Равича, из классики — «Женитьба» Н. В. Гоголя. Уже это должно было обеспечить отпор бес к гастрольной амбизе. Можно даже предположить особое внимание театра к произведению, которое должно мало кто ставил. Таковы «Любящая тебя» А. Антокольского, «Урок искренности» А. Горбачова, «Рабочая хроника» («Гореловы») Б. Черенева в лысьвенской редакции. Режиссер ставит и «Женитьбу». Можно отметить чуждость этого театра также к широкополупермским, граждански острым, актуаль-

ным вещам, как «Тревога» А. Петрашкевича. И все же этот перечень мало что характеризует.

Мы любим повторять, что теперь эпоха режиссерского театра. И с особым мажором повторяем это, когда тот или иной театр берет за слабую драматургию, чем-либо ценную с тематической стороны. В таких случаях от режиссера и театра в целом требуется не только осмысление слабостей пьесы, но и активнейшее, уверенное сотворчество. Судя по гастролям, в Лысьвенском театре чувствуют заметную склонность к такой драматургии, но далеко не всегда представляют всю трудность взятых на себя задач. Может быть, именно здесь должна проявиться подлинная зрелость театра.

В самом деле, какие бы благородные декларации ни произносились в спектакле «Урок искренности», какое бы важное место ни занимала там идея верности своему истинному призванию, никак не скроется, что это сюжетно беспомощная, безжизненная мелодрама с претензиями на красоту и утонченность, все эстетические издержки которой с большим нажимом усилены режиссером В. А. Рябиновым. И если кому-то понравилась ее тема, не надо из этого выводить для себя высокую оценку самого спектакля. Опасная это вещь — смешение критериев.

Можно и нужно добрыми словами поддержать театр в его обращении к печально актуальной и публицистически острой проблеме пьесы «Тревога», особенно в условиях промышленного города, где такой спектакль способен встретить живой контакт, непосредственный и гневный отклик. Но нельзя не видеть, что театр имел дело с очень слабой драматургией, несовершенство которой надо было преодолевать ему самому. Ведь упоминавшаяся в одной из рецензий «двуплановость» построения пьесы больше заявлена, чем реализована автором, и сделать этот, по сути, кинематографический прием эффективным и выразительным было одной из трудных задач театра, решая которую по-бытовому тяжело. И то, что получались несколько отдельных ролей (как правило, эпизодических в характерном плане), еще не говорит об удаче целого спектакля. Образы свидетелей на суде, по замыслу, очень разные, но из этого не следует, что они должны решаться в различном ключе — от психологической драмы до бытовой комедии из колхозной жизни, от серьезного публицистического монолога до развлекательной водевильной сценки. Здесь уже нет и отдаленного намека на ансамбль.

Когда председатель райисполкома утверждает, что проблемы пьянства у нас не существует, надо уметь почувствовать полемическую условность этой фразы, которая диктует особую стилистику публицистического спектакля. Ведь ни одно должностное лицо не станет утверждать в реальной жизни, будто проблемы этой действительно нет, когда ее существование и острота про-

возглашены апологие официально. Театр не почувствовал этой жанровой условности и поставил отрицательных персонажей в позицию, так сказать, «плакатных» лжецов, а положительных обрек тем самым на разоблачительные речи в их адрес на полном бытовом серьезе. Жанр дублицистического спектакля-диспута, ориентированного на строго документальную форму, не до конца выдержанный драматургом, в спектакле лысьвенцев окончательно смешался с характерными, бытовыми решениями, что привело к растерянности, рыхлости, вялости действия.

А. Петрашкевич пьесой о беде в Добришево вовсе не ставил каких-то своих проблем, которые проложили бы путь государственным решениям (что свойственно многим произведениям большого искусства), а шел за эти решениями как их добросовестный иллюстратор. Тревога объявлена им и до него. В этой иллюстративности, пожалуй, главная слабость пьесы, создающая особую трудность для театра. Ведь давно поставленная проблема должна на этот раз прозвучать по-своему свежо, эмоционально укрупненно. Спектакль убеждает, что задача такого рода осталась незамеченной. А ведь у того же режиссера Ю. В. Фекеты есть и четко продуманные и хорошо выстроенные спектакли, например, «Гореловы» и только что показанная «Моя дочь Нюша» по пьесе Ю. Яковлева.

«Любящая тебя» А. Антокольского (постановка В. А. Рябинова) и «Моя дочь Нюша» — две премьеры, во многом сопоставимые. В центре обеих пьес — незаурядный, цельный женский характер, душевно щедрый, нравственно бескомпромиссный человек с героическими задатками. В оба спектакля исполнители вложились горячо и увлеченно. Но пьеса А. Антокольского — залитуратурная, многословная растерянная, и этого не удалось избежать и в спектакле. А жесткая режиссерская рука, властно вторгающаяся в материал, здесь была бы очень на месте.

В том, насколько необходимо такому театру талантливая, профессиональная драматургия и чего может он добиться в руках опытного режиссера, лишний раз убеждает спектакль «Муж и жена снимают комнату», поставленный С. А. Сапгиром (художник-постановщик Б. В. Аравов). Те же самые актеры показали совершенно иной сценический уровень. Именно в спектаклях на добротном драматургическом материале показали себя на гастролях засл. арт. РСФСР К. И. Маркина, артисты А. А. Седов, Л. А. Арибман, С. Г. Рылов, Е. И. Розова, Н. К. Туманова, Е. К. Хохлава.

К сожалению, сегодня Лысьвенскую драму никак не назовешь режиссерским театром. По-видимому, здесь никого не смущало, что поставленная несколько лет назад В. Шапкинским архаично-бытовая, лишняя и интересная режиссерских мыслей «Женитьба» сегодня, после известной эфросовской постановки, начисто себя изжила. Но лучшие работы лысьвенцев показывают, что театру доступны и современное мышление, и насыщенное мыслями сценическое действие. Это обнадеживает.

В. ВОЛОВИНСКИЙ.